

Екатерина Сурская

Охотца на мнобоения

сборник рассказов

16+

Екатерина Сурская

**Охота на мгновения.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сурская Е.

Охота на мгновения. Сборник рассказов / Е. Сурская — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Сборник рассказов, написанных в разное время. "Было лето" - о беззаботном детстве; "Чагравый" - история появления у Вещего Олега его знаменитого коня; "Двое. Волки" - о самой главной встрече; "Вечерний рок-н-ролл" - городская зарисовка; "Когда мы были студентами" - о весельчаках, распевających *Gaudeamus igitur*; "Охота на мгновения" - о милых и мимолетных секундах...

Содержание

Было лето	5
Чагравый	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Было лето

Было лето.

Лето обычно начиналось ранней весной, когда мы ходили со Светкой на «наше» поле, тонули в ломких сугробах, на которых лежал тонкий, искрящийся, подтаивающий наст.

Его было так здорово обламывать и засовывать в рот, он таял и хрустел, и был вкусным.

Еще очень ярко светило солнце, и с наста капала вода.

А потом земля оголялась и становилась мягкой, кое-где выглядывала прошлогодняя жухлая трава, по цвету сливаясь с коричневой землей. На земле четко отпечатывались следы, и по мере того, как она подсыхала прохладными апрельскими вечерами, эти следы становились все менее заметными.

Тогда появлялась мать-и-мачеха.

Обычно это бывало так: вот идем мы с мамой, я держу ее за руку и верчу головой по сторонам. И вдруг – ах! Вон там, на самом солнцепеке торчит желтая голова! И еще одна, и вон еще! Ах!

– Мама, мама, смотри – одуванчики!

В детстве, наверное, все путали мать-и-мачеху с одуванчиками. Только потом, в третьем классе, я начала их различать, прилежно вырисовывая на уроке природоведения эти желтые головки.

Самым волнующим был день, когда можно было снять шапку. Голове тогда становилось так непривычно легко! Конечно, было немного зябко, но переполняла ужасная гордость, что мне уже можно без шапки, а Светку, которая младше меня на год, мама еще укутала по-зимнему. А потом и Светка снимала шапку, и уже совсем маленькие ребятишки во дворе бегали растрепанными, и становилось совсем понятно – скоро настоящее лето!

Лето приближалось, когда мы начинали ходить на поля.

«Поля» – это самая окраина города, там, где и город-то уже заканчивался, а проселочная дорога вилась вдоль речки под названием Ошла и уходила куда-то в неизвестные поселки. Слева от дороги текла речка, а справа до самого горизонта расстилались эти самые поля. И с другой стороны речки тоже были поля.

На поля, конечно же, нас одних не пускали, да нам никогда и в голову не приходило пойти туда самим. Во-первых, шагать до первых зарослей ивняка, где можно здорово играть в индейцев, очень далеко и без взрослых ужасно скучно. А во-вторых, самые интересные заросли были где-то за хитрыми поворотами дороги, которая вдруг разветвлялась, а знал эти повороты только мой папа, поэтому, как ни крути, без взрослых не обойтись.

Еще папа смешно пугал маму, когда на своем огромном велосипеде «Урал» с огромной страшной рамой вдруг вкатывался на крутой берег реки и мчался прямо над самым обрывом по очень узкой тропке, а мы все шли по широкой дороге с двумя колеями вниз. И мама кричала ему: «Витя, Витя, куда?», а папа смеялся.

Хорошо еще, что мама не видела, как мы с папой однажды прокатились так вдвоем.

По берегам Ошлы росла крапива. Молодая крапива очень вкусная, когда ее сварят в специальном супе с курицей и сырым яйцом. Этот суп мама варила один раз в году, когда мы впервые после зимы ходили на поля за крапивой. Возвращались уже вечером, но на кухне было не темно, а так, весенние сумерки, и мама варила весенний суп, обдавая крапиву кипятком. И запах крапивы висел в майских сумерках.

Потом начинала цвести липа.

Тогда мы шли стирать палас.

Из земли выходила огромная труба, из нее хлестала желтая вода, с ревом и мутными брызгами во все стороны. Вода наполняла каменный накопитель, он был длинный и узкий, но мне казался очень большим.

Туда спускался палас, и мылился, и плавал в этом накопителе под этой ревушей водой.

А рядом росли липы. Их было несколько, но одна особенно красивая. Вся-вся в душистых цветах. Папа поднимал меня на руки, я тянулась за ними и срывала несколько цветочков.

Потом дома я прятала цветочки, и аромат их путался у меня в волосах еще какое-то время.

Пока его не вытесняли другие ароматы.

**

«Наша» аллея становилась совсем зеленой и тенистой. У нас со Светкой было «наше» поле и «наша» аллея. На поле, в самом его центре, росла одна-единственная дикая яблоня. То, что это именно яблоня, мы узнали совершенно случайно. Я однажды на нее залезла и в самой гуще листвы вдруг увидела маленькое зеленое яблоко. Тут же сорвала его и с победным криком скатилась вниз, ободрав коленки и локти. Мы радовались этому яблоку, словно килограмму «Маски»! Оказалось оно ужасно кислым, но мы мужественно искусали его, а огрызок закопали под яблоней, полагая, что у той может родиться дочка из этого огрызка. Что на самом деле из него выросло, неизвестно, потому что через пару-тройку лет яблоню срубили, а «наше» поле закатали в асфальт, поставили скамейки, и оно превратилось в чинный сквер, где выгуливали собак.

Но тогда мы разговаривали с нашей яблоней, как с живой, и она отвечала нам.

А «наша» аллея тянулась далеко-далеко, до самого стадиона «Дружба». Туда мы одни ни разу не доходили. Доходили с родителями на Новый год, когда ходили к Кудачковым. В конце аллеи был какой-то памятник на белом постаменте, но это была уже не наша аллея, а что-то чужое, и памятник чужой, не наш.

А в «нашей» аллее у нас со Светкой был друг. Его звали Старичок-боровичок. Это был старый куст можжевельника, ростом не выше пятилетних девочек. Мы с ним разговаривали и доверяли свои секреты. А однажды даже принесли ему в подарок старые батарейки, которые я вытащила у папы из разного хлама на балконе. Рядом со Старичком-боровичком росла высокая липа с прямым темным стволом. Это было Дерево Счастья. И если Старичок-боровичок был другом, с которым можно запросто поболтать, то Дерево Счастья было неким божеством. Разговаривать с ним полагалось осторожно, очень-очень тихо, шепотом и зажмурившись. Мы обычно просили у Дерева Счастья всяких милостей себе. Верили, что оно исполнит желания.

У входа в аллею росла тонкая сирень. Звали ее просто – Зелень. Она странно свешивалась аркой, образуя будто настоящий вход в «нашу» аллею.

Мы входили туда, здоровались с Зеленью, бежали к Старичку-боровичку, смутившись, кивали Дереву Счастья, и присев на корточки, веточками шевелили муравейник или, взявшись за руки, шли вглубь аллеи, распевая какие-нибудь песенки.

Было лето.

Однажды мы с мамой шли по двору. У второго подъезда нам встретился дяденька с большой собакой. Собака была почти с меня ростом.

А я раньше собак совсем не замечала, словно не видела. Поэтому и не поняла, надо ли такую большую бояться. Может, надо? Но бояться собаки не хотелось, тем более она смотрела на меня с любопытством, и глаза у нее были такие, что сразу становилось понятно – собаку с такими глазами могут бояться только дураки!

И я посмотрела на дяденьку в смешной панамке и, осмелев, спросила:

– А можно я его поглажу?

– Погладь. Он не укусит.

«Да знаю я, что не укусит. И спросила-то разрешения только потому, что так положено».

И я погладила Большого Пса.

Во дворе были разные качели. Три стояли в ряд. В центре были мои самые любимые. На них можно было раскачаться «до стукота». Это означало, что когда ты сильно-сильно раскачиваешься, тонкие железные «веревки» качелей стучаются о перекладину, взлетая параллельно земле. Было страшно, но кто мог раскачаться «до стукота», тот заслуживал всеобщее уважение. Один раз я смогла.

Весь двор играл в прятки. Кто водил, отворачивался к толстому стволу большой березы и считал. Я, когда громко считала, всегда рассматривала муравьев, ползающих по березе вверх и вниз. Можно было не закрывать глаза, хотя кто-то говорил, что закрывать обязательно. Но как бы я тогда смотрела за муравьями на березе?

Светка пряталась в мальвах. У подъезда росли высокие шершавые мальвы. В середине лета они густо разрастались и цвели розовыми, белыми и фиолетовыми цветами. В середине каждого такого цветка был толстый пушистый пестик, обязательно со шмелем. И пахли мальвы теплым летним днем.

Светку я быстро находила.

Еще были «секреты».

Их прятали в земле, вложив между двумя кусками битого стекла. Стекло было чаще темное, коричневое, но иногда удавалось найти светлое, зеленоватое или голубое. Тогда «секрет» был лучше виден. «Секретом» обычно бывал фантик от любимой конфеты. И вот его надо было спрятать и запомнить, где. Мне было не очень интересно. Ребята постарше искали «секреты» друг друга, но я не чувствовала, что мой «секрет» такой уж «секретный», чтобы кто-то другой хотел его найти. И уж конечно мне не казались безумно таинственными «секреты» других. Подумаешь, фантики!

И вот наступал день, когда меня отправляли к бабушке.

Бабушка жила в Пензе. Туда надо было сначала ехать на поезде с деревянными сиденьями до Зеленого Дола, а потом на настоящем поезде с верхними полками до Пензы.

Я любила ездить на поезде.

Мама доставала курицу в мокрой бумаге, курица была холодная и вкусная. Еще были вкусные огурцы, папа расстилал газету, сыпал соль на газету горкой, макал в нее огурец и давал мне. Я грызла огурец и соль хрустела, не успев раствориться в огуречном соке.

Только когда ели вареные яйца, мне не нравилось. А все обязательно ели вареные яйца, и их запах смешивался с запахом гари и шерстяных одеял.

От вокзала до бабушки надо было ехать на седьмом троллейбусе до остановки «Терновского», я это хорошо знала. Мы доезжали, а потом шли через школьное поле по пыльной дороге, шли долго, и вот показывался наш поворот в зеленую улицу, заросшую травой.

Во дворе росло старое абрикосовое дерево. Под ним – огромный пионовый куст. Пионы уже цвели, вокруг них гудели пчелы. Четыре яблони роняли в картофельную ботву душистые, подпорченные червяками яблоки. Потом эти яблоки мы с Оксанкой заваривали кипятком в

летней кухне и пили, обжигаясь. Тетя Маша, Оксанкина бабушка, выкладывала ложкой нам на тарелки кислое козье молоко, а почему оно называлось «кислое», я не знала. Оно было очень сладкое.

У тети Маши была свинья Феня. Она смешно хрюкала, и тетя Маша называла ее «Феня-залупеня». Что такое «залупеня», я тоже не знала, а тетя Маша не объясняла. Потом мне надоело думать, что это, и я забыла спросить у бабушки.

А однажды мы с Оксанкой ушли к тете Лиде на другой конец Терновки. Как мы вообще туда дошли, непонятно. Мы все шли и шли, и вокруг росли высокие кусты ярко-желтых цветов. Потом была куча песка, и старый стоптанный ботинок. А потом нас ругали бабушки, и Оксанку даже заперли дома на целый день.

Как-то мы играли в «войнушку» с мальчишками. Их было трое: Игорек жил в углу улицы при въезде, Сережка Крючков жил через дом от меня, а Будневский Вадик жил почти напротив Оксанки. И вот мы с ними «воевали». А еще с нами «воевали» две совсем маленькие девчушки, Настя, двоюродная сестра Оксанки, и Женька, моя соседка. Они устроили штаб у меня в яблонях, а меня поставили на забор охранять и предупреждать в случае появления противника.

И вот стою я на заборе с ведром воды на всякий случай. Противник, конечно же, не замедлил появиться. Пришли трое, здоровые, задиристые. Вадик вообще был на голову выше всех ребят, а меня на две головы выше. Вот он первый и крикнул:

– Эй, ты, на заборе!

И яблоко с земли поднимает.

«Ну, – думаю, – сейчас пулять будет!»

Однако не отвечаю и вообще, делаю вид, будто их нет вовсе.

А он так перекидывает яблоко в руках и улыбается нагло.

– Чего в ведре – картошка?

– Не подходи, водой окачу!

– Ага, как же! Так я и поверил!

– Вадь, может, у нее и правда там вода, не подходи лучше... Она ж дурная – окатит!

– Да нет у нее там ничего, врет она все!

– Вадь...

– Ну, смотрите!

И идет смело к забору.

А я жду. Замерла. Смотрю на него, а он все ближе. И страшно мне, но жду. Вот он еще ближе, и ведь тоже не торопиться. Опасается. Еще ближе подходит.

Ну, кажись, в самый раз...

– На-а-а!!!

И Вадька, трясая головой, как собака, отскакивает и с воем убегает.

У меня было полное ведро воды.

Однажды мы подрались с моим двоюродным братом Сережкой. Он заехал мне яблоком прямо в грудь, а я огрела его детской балалайкой по затылку. Потом помирились. Потом стали раскрашивать мою любимую раскраску «Петушок». Бабушка, пока я у нее гостила, покупала мне не менее пяти таких раскрасок, и каждый раз это был праздник!

По дороге к остановке был страшный овраг. Через него был перекинут деревянный мост. Однажды мы с Оксанкой на спор туда полезли. Там было прохладно, висела паутина и росла

огромная крапива. Как только я туда спустилась, я перестала бояться. Там было все то же самое, что и наверху. Только тень от больших деревьев да звенящее комарье.

Так я и сказала Оксанке, мол, ничего там интересного нет. Она и не полезла.

А однажды мы с Оксанкой наелись перезрелой малины. Ох, до чего ж она была сладкая! Она уже не держалась на ветках и падала нам в ладони с куста, такая крупная и почти фиолетовая.

И вечером у меня поднялась температура, бабушка отпаивала меня какими-то ярко-красными таблетками, тоже похожими на малину. А я плохо соображала и только вдруг увидела встревоженные папины глаза. Папа приехал за мной.

Лето кончилось.

Чагравый

Дорога впереди заволновалась, задрожала, и дед Лесьяр остановил кобылу. Беяна, дочка его, привстала на повозке и, приложив ладонь козырьком ко лбу, с любопытством стала вглядываться в клубы пыли. Мерный топот подсказывал, что приближались всадники.

– Нешто князь? – пробормотал дед, задумчиво стягивая шапку.

И верно – то были дружинники Олега.

Сам Олег ехал впереди. Поравнявшись с повозкой, он вдруг остановился и сделал знак дружине.

– Гой еси, старче! – крикнул он Лесьяру.

– И ты, княже, здрав буди! – Лесьяр низко поклонился.

Беяна во все глаза смотрела на князя, тот заметил ее взгляд и невольно подбоченился.

– На торжище?

– Туда.

– Что везешь?

– Шкуры да мед.

– Добро. Нынче там у нас греки, торг ладный. А это кто ж с тобой?

– Дочка, меньшая. Увязалась следом.

– А кобыла, гляжу, у тебя, старче, тяжелая, – наметанный глаз Олега ощупывал животное и нет-нет косил на Беяну.

Дед терпеливо ждал, покуда князь нараспрашивается. Тот не особо торопился; дружинники, ухмыляясь в густые бороды, рассыпались вдоль дороги и опустили поводья. Олег повыспросил у Лесьяра, где он живет да жива ли хозяйка, сколько сыновей, где пашут, сколько ульев стоит, кто рядом живет, давно ль торгует да хорош ли зверь нынче... Лесьяр отвечал односложно, мял шапку в руках и старался не смотреть князю в глаза. Какая-то неизъяснимая тревога начала мухой зудеть в груди.

– Вижу, добрая кобыла, старче, крепкая да смиренная, – вдруг сказал Олег. – Эй, Зима!

Князь пошептал что-то на ухо подъехавшему высокому дружиннику, тот кивнул.

– Ну, прощай, старче!

– Прощай, князь!

Дружина умчалась, а дед еще какое-то время нахмурено смотрел им вслед.

Весь день встреча с князем не выходила у Лесьяра из головы. Беяна тоже была рассеяна: то мечтательно улыбалась, глядя куда-то вдаль, то внезапно заливалась краской и закусывала губу, а когда дед смотрел в упор, отводила взгляд.

– Не к добру, – бормотал дед и сам себя ругал за мнительность.

Домой вернулись раньше обыкновенного, только начало смеркаться. Агафья с охами да ахами бросилась разбирать наменянное, Лесьяр сел за стол, а Беяна ушла за занавеску.

В избу вернулись сыновья, кто с пасеки, кто с поля. Младший, Богдан, внес вязанку дров, старшие, Гордей, Гудим, Стыня и Молчан, принялись утираться полотенцами. Все они были похожи между собой: высокие, кряжистые, с заскорузлыми руками и покатыми плечами. И все были похожи на деда, который хмуро оглядывал свое семейство, возвышаясь за столом, будто столетний дуб. Агафья выставила горшок похлебки, выложила ломти хлеба да несколько луковиц.

– Браги налей, – велел ей Лесьяр.

– Опять браги! Где ж я тебе ее возьму? – заворчала Агафья. – Каждый день у тебя брага, колоброд ты этакий...

– Вот вздорная баба, – вдруг улыбнувшись, проговорил Лесьяр, – хлебом ни корми, дай похабальтись.

Но улыбка его была кривая, злая, и колючий взгляд так и впился Агафье в лицо. Та пожевала сморщенными губами и полезла за печь.

– Беяна, дочка! Ты чего там затаилась? Садись вечерять.

Лесьяр хлебнул браги, глаза его потептели. Льняная головка Беяны выглянула из-з занавески, глаза застенчиво глянули на отца.

– Я, тятя, вечерять нынче не буду...

– Чего еще надумала? – прикрикнула мать. – И так одни кости да кожа! Кто тебя такую возьмет? Так и будешь торчать...

– А ну цыц, старая!

Лесьяр поднялся, вышел из-за стола; братья на миг замерли с ложками у ртов, и вновь принялись хлебать, провожая его взглядами.

– Пойдем-ка, дочка, покуда совсем не стемнело, к одному месту тут недалече.

Старик деловито подпоясался, велел Беяне закутаться в платок, нацепил шапку. Когда они уже вышли на дорогу к просеке, позади дома в стойле тихо заржала кобыла.

– Скоро принесет, – кивнул в ту сторону Лесьяр. – Жеребенок ладный должен быть, чагравый. Кобыла-то наша в табуне с чагравым конем спелась, а откуда тот конь – никто не ведает. Как пришел, так и ушел. И одну только нашу кобылу-то и приметил...

– А ну как не конь это вовсе был? А, тятя? Может, какой дух чужой?

– Не-е, может, и дух, конечно, да только не чужой. Чужого-то наша кобыла к себе бы не подпустила. А вот и поглядим...

Пройдя пасеку, они двинулись вглубь леса по еле приметной тропке и вскоре вышли на поляну с выложенным посередине древним очагом. Сюда приходил Лесьяр поговорить с богами, попросить у них удачи семье; здесь его старшие сыновьям приносили им дары, и вот теперь сюда же привел он дочку. Привел к очагу предков, не задумываясь, – будто к родному человеку кинулся, почуяв неладное.

– Ну, вот, Беянушка, а теперь сказывай отцу как на духу что с тобой стряслось...

Беяна тут же сникла. Закатное солнце еще проблескивало за деревьями, но черные тени уже ложились крест-накрест на примятую траву, на древний очаг.

– Князь?

Беяна еле заметно кивнула.

– По нраву пришелся?

Беяна подняла на отца глаза, еле сдерживая слезы. Лесьяр хмурился, но каждый раз глядя на дочь, не мог сдержать улыбки.

– Тятенька, я ж все понимаю, – тихо проговорила Беяна. – Он и не взглянет на меня такую...

– Это какую ж такую? – загудел было Лесьяр, но осекся.

«Нет уж, нечего девке голову дурить».

– Ты из головушки-то князя выкинь, да поскорее. Олег в стороне родной не бывает, все в чужие края с дружиной ходит. А в чужих краях и сгинуть немудрено... Вот что, дочка. На торжище в Новгород больше не пойдем. Кобыле понеси надо, негоже ее сейчас трогать, да и тебе поспокойнее будет. Лады?

– Добро, тятенька.

И Лесьяр вдруг сграбастал хрупкую фигурку дочери своими ручищами, прижал к груди.

– Ничего, дочка, ничего... это все ничего...

Кобыла Лесьяра в срок принесла ладного жеребенка. Как и предсказывал старик, жеребенок оказался чагравой масти, с длинной мордой, тонкими, жилистыми ножками. Чуткие

ноздри каждый раз жадно обнюхивали ладони Лесьяра, когда он поглаживал его морду, черный глаз косил, уже настороженный и злой.

– Добрый конь будет, – бормотал старик себе в бороду, засыпая кобыле овса.

Спустя неделю, когда солнце уже поумерило свой пыл и сыновья ушли на пасеку закрывать улья, во двор к Лесьяру заявился конник. Лесьяр, намаявшись накануне с поясницей, сидел, не шевелясь, у крыльца, плел лапти, грел кости под нежаркими лучами и, сощурившись, наблюдал, как неторопливо спешивается верзила в снаряжении дружинника. Что-то знакомое показалось в его облике старику. Когда конник повернулся и зашагал к дому, Лесьяр узнал в нем Зиму.

– Здорово, старче, – криво заулыбался Зима, подойдя к крыльцу.

– Ну, здорово, – с кряхтением поднялся Лесьяр ему навстречу.

– Кобыла понесла?

Лесьяр помолчал, подвигал схмуренными бровями, оглядел Зиму с головы до ног.

– Из варягов?

– Верно. Так я...

– С Олегом, значит, ходишь? Жалует князь?

– Не обижает. Ты, старче, вот чего...

– Значит, то князь тебя послал кобылу мою проведать? Нешто заботы у него другие вышли?

– Но-но, ты того... не больно-то! Князю конь добрый нужен. Кобыла твоя приглянулась, чего скрывать. А коли понесла она, так и покажи мне жеребенка – ежели он хорош, князь купит его у тебя. Ты, старче, не думай дурного – Олег хорошую цену даст.

Лесьяр молчал; не нравилось ему что-то в Зиме. Варяг он, ну и что, что варяг, варягов кругом что моли. Наглый да задиристый, это уж как велено, а иначе зачем он Олегу нужен, смиренный да робкий? Но со стариком вежлив, сдерживается, хоть и не умеет ласково молвить... Нет, все не то. Не это мучило старика. А вспомнился ему взгляд Олега, которым тот Беяну ожег тогда, на дороге. Как черными стрелами прошил, как железом каленым рубанул. Вспомнил тот взгляд Лесьяр, и словно туча грозная на него нашла.

– Вот что, варяг. Князю нашему передай – жеребенок не в масть вышел. Уж я рад, да только не тот это конь будет, чтобы князя носить...

Тут его прервало пронзительное ржание и следом тихий девичий смех.

Зима сделал шаг в сторону и заглянул за угол дома. Беяна выводила из загона чагравого, а тот вскидывал ноги, брыкался, все норовил вырвать легкую уздечку. Девушка, посмеиваясь, пробовала погладить строптивного жеребенка, но всякий раз ей приходилось одергивать руку – он уже норовил ухватить зубами за пальцы.

Зима невольно залюбовался чагравым. «Вот бы самому такого заполучить! Ай да князь, ай да глаз! А старик-то, хитер – не желает продавать! А самому на кой нужен такой конь? В телегу впрягать?»

– Это что ж получается, старче? – заухмылялся Зима, буравя Лесьяра прищуренным взглядом. – Это вот, значит, какой у тебя жеребенок? Не добрый, значит? Ты, видно, в пчелах своих толк знаешь, а в конях, выходит, что нет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.